

© 1995 г.

Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ

МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН НАСЕЛЕНИЕМ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ И РОССИЕЙ

РЫБАКОВСКИЙ Леонид Леонидович — доктор экономических наук, профессор, директор Центра демографии Института социально-политических исследований РАН.

Многовековая история Российского государства, по словам В.О. Ключевского, это история непрерывно колонизируемой страны. И в дореволюционное, и в советское время активно шло расселение разных народов, в первую очередь самого многочисленного — русского, на присоединяемых к России сопредельных территориях. Одна часть этих территорий — на востоке и севере страны — была практически не заселенной (плотность населения северо-востока даже сегодня составляет 0,4 человека на 1 км² при средней по России 8,7). На другой части — на Кавказе и в Центральной Азии¹ — осуществлялось активное расселение выходцев из Европейских районов страны. С 1897 по 1917 гг. на окраины Российской империи (за пределы нынешней России) переселилось свыше 2,5 млн. человек. Из этого числа в Центральную Азию попало немного, а осталось там еще меньше. По данным Е.С. Волкова, в 1917 г., например, в Узбекистане было всего 54,4 тыс. человек пришлого населения [1, с. 126].

20-е и 30-е годы — период интенсивного развития тяжелой индустрии, ее размещения в южных и восточных частях страны. Промышленный подъем национальных окраин выступал важнейшим принципом размещения производительных сил. Вряд ли кто-либо даже в настоящее время рискнет отрицать, что для экономического развития центрально-азиатских республик, для создания там электростанций, крупных машиностроительных и металлургических предприятий и т.п. были нужны квалифицированные кадры, которых практически не было среди представителей титульных национальностей этих регионов. Массовый завоз рабочей силы и населения из России в республики осуществлялся часто вопреки желанию работников. Было время, когда человек, живший в Алма-Ате или Москве, не мог выбирать: он следовал предписаниям не русского или казахского, а советского государства. Именно таким путем попали в национальные республики так называемые русскоязычные выпускники вузов и техникумов, распределенные туда для работы на местных предприятиях.

Часть мигрантов, прибывавших на новостройки, спустя несколько лет возвращалась обратно; другие приживались на новых местах и становились полноправными гражданами тех республик СССР, где они вместе с коренными народами создавали экономический и научно-технический потенциал, в значительной мере разрушенный

Статья подготовлена по результатам исследований, проводимых при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (код проекта 93-06-10014).

¹ Здесь и далее под Центральной Азией понимаются Казахстан и республики Средней Азии.

сегодня. Накануне Великой Отечественной войны за пределами России в других республиках СССР проживало 9,3 млн. русских или почти каждый десятый. По сравнению с 1926 г. численность русских за пределами России выросла на 4,1 млн., причем на 2/3 за счет миграции. В предвоенные годы в Центральную Азию переселилось не менее 0,6 млн. человек из других республик СССР, что составило в 1939 г. около 4% населения этого региона.

Огромные сдвиги в расселении народов СССР, изменений этнической структуры населения республик произошли и в годы войны. Несмотря на внезапное нападение Германии на СССР и молниеносное продвижение ее войск вглубь страны, из районов, которым грозила оккупация, быстро вывозились предприятия, ценности, население. С июля по декабрь 1941 г. было эвакуировано свыше 1,5 тыс. только крупных предприятий. Из них 1/5 была перебазирована в Казахстан и Среднюю Азию. В тыловые районы было переселено 12 млн. человек [2, с. 43]. Учитывая, что основная масса населения эвакуировалась вместе с предприятиями, можно предположить, что в республики Центральной Азии во второй половине 1941 г. переселилось не менее 2—2,5 млн. человек. Эта цифра не точна, но она, в сравнении с предвоенными данными, показывает масштабы военных переселений. Более того, эта оценка не противоречит, например, сведениям по Узбекистану, опубликованным в конце 70-х годов. Согласно этим данным за 1939—1958 гг. в республику прибыло 748 тыс. человек, что составило 42,3% общего прироста населения республики. В следующий межпереписной период на долю мигрантов пришлось лишь 11% прироста [3, с. 107].

В отличие от Европейской части страны, где 3,5 года шла война и гибло гражданское население, жители Казахстана и Средней Азии находились в глубоком тылу. Туда постоянно прибывало население из других мест. Именно поэтому численность населения Центральной Азии в 1959 г. превысило уровень 1939 г. в 1,4 раза. За тот же период население России увеличилось только на 8,4%. При этом основная масса прироста достигнута за счет компенсаторного подъема рождаемости в 50-е годы. Еще в начале 1946 г. население России, по оценкам ЦСУ СССР, было почти на 12 млн. человек меньше, чем в 1939 г. [4, с. 10].

Волна переселений из России, Украины и Белоруссии в Центральную Азию, в первую очередь — в Северный Казахстан во второй половине 50-х годов была обусловлена как потребностью в дальнейшем наращивании промышленного потенциала этих республик, так и освоением целинных земель, давшим десятикратное увеличение сбора зерна в Казахстане.

Из 1 265 тыс. человек миграционного прироста населения республик Центральной Азии за 1951—1960 гг., 1 086 тыс. пришлось на Казахстан, составив более половины общего прироста численности его населения. При этом русские переселялись не только на вновь осваиваемые земли, но и в города Северного Казахстана. Так, численность русских, переселившихся в городскую местность Северо-Казахстанской и Павлодарской областей в 1960 г. превысила уровень 1950 г. более чем в 2 раза; в Карагандинской и Кокчетавской областях — более чем в 3 раза; Целиноградской и Джезказганской — более чем в 4 раза; в Кустанайской — почти в 7 раз. Перепись 1959 г. зафиксировала в республиках Центральной Азии 6,2 млн. русских, что составляло более 1/4 (27%) их населения.

На рубеже 60—70-х годов в миграционном обмене населением между Россией и Центральной Азией наступил перелом. Если в 1971 г. из России в этот регион прибыло 117,7 тыс. человек, а в 1973 г. — 112,4 тыс., то в 1977 г. число мигрантов из России снизилось до 80,2 тыс., а в 1980 г. — до 75,9 тыс. человек. В целом за 70-е годы отрицательное миграционное сальдо составило в Казахстане почти 0,5 млн. человек; Киргизия потеряла свыше 100 тыс. Миграционные потери трех остальных республик составляли в сумме за 1976—1980 гг. 200 тыс. человек.

В 80-е годы тенденция осталась неизменной. Ко времени последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. Казахстан потерял за счет миграционного оттока еще 784 тыс. человек; республики Средней Азии — 850 тыс. Нарастание миграционного

Таблица 1

Доля русских в населении Центральной Азии по данным послевоенных переписей (%)

Республики	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Казахстан	42,7	42,4	40,8	37,8
Узбекистан	13,5	12,5	10,8	8,3
Киргизия	30,2	29,2	25,9	21,5
Таджикистан	13,3	11,9	10,4	7,6
Туркмения	17,3	14,5	12,5	9,5

оттока в этот период происходило за счет пришлого, прежде всего русского населения. В этот период в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении сократилась численность русских; в других республиках она не снизилась, несмотря на то, что выбытие русских стабильно превышало их прибытие. В целом по Центральной Азии численность русских за 1979—1989 гг. выросла на 2,2% при общем приросте населения региона на 20,6% (численность русских в России за тот же период увеличилась на 5,6%).

Менялась не только сама их численность. Начиная с 1959 г, неуклонно снижалась и доля русских в населении региона (табл. 1). Причиной этого, правда, в начале была не столько миграция русских, сколько более высокая рождаемость населения титульных национальностей. Но в 90-е годы ситуация изменилась: миграция превратилась в ведущий фактор изменения численности и удельного веса русских в населении республик Центральной Азии.

Сравнивая масштабы выбытия русских из Центральной Азии, можно заметить, что до 90-х годов они возрастали сравнительно умеренно. На результаты миграционного обмена большее влияние оказывал обратный процесс, то есть прибытие русских в эти республики. Так, в 1980 г. в Россию из Центральной Азии прибыло 300 тыс. человек, а в 1990 г. — 366 тыс. Обе цифры не выходят за рамки нормального миграционного обмена. Нескольким иначе выглядят данные о русских, прибывших в Центральную Азию из России: в 1980 г. их было 239 тыс, а в 1990 г. — 179 тыс. Соответственно, если в 1980 г. на каждую 1 000 русских, прибывших в этот регион из России, приходилось 1 256 выбывший, то в 1990 г. их стало 2 044.

Эти цифры можно интерпретировать по-разному. Нам представляется, что произошедшие изменения — результат действия трех различных факторов. Во-первых, с середины 70-х годов прибытие населения в Россию стало превышать выбытие из нее не только в обмене с Центральной Азией. В эти годы в ряде районов России, прежде всего в Сибири, развернулись крупнейшие стройки, только одна из которых — БАМ — привлекла сотни тысяч переселенцев.

Во-вторых, в 70-е и 80-е годы в самих республиках Центральной Азии происходило повышение мобильности коренного населения, в том числе сельского. В результате, например, численность узбеков, проживающих в городах республики, выросла за 1970—1979 гг. на 70%, а в селах — на 27%; киргизов — соответственно на 66 и 25%; туркмен — на 39 и 31%. Эти данные отражают реальные изменения миграционных установок коренного населения, которые были зафиксированы в двух обследованных миграционного поведения сельских жителей Узбекистана, проведенных демографами ТашГУ в 1968 и 1978 гг. В 1968 г. селяне либо вообще отказывались отвечать на этот вопрос, либо отвечали, что не собираются переезжать в города. В 1978 г. уже 1/4 ответивших положительно относилась к миграции в город [5, с. 6].

В 1986 г. аспиранты Центра демографии ИСПИ РАН провели обследование сельских школьников в Таджикистане и Туркмении. Оказалось, что среди десятиклассников в таджикских селах 63% юношей и 36% девушек собираются переехать в города. В туркменских селах установки на миграцию были выявлены у 1/3 выпускников. При этом более 9/10 потенциальных мигрантов хотели бы переехать в города своих

республик и лишь от 3 до 9% намеревались выехать в города других республик [5, с. 20—21, 72].

Таким образом, города республик Центральной Азии в 70—80-е годы стали пополняться не только и не столько мигрантами из других регионов, сколько выходцами из собственных сельских регионов. И несмотря на слабое знание русского языка, отсутствие профессиональной подготовки, сельские мигранты превращались в городах в конкурентов пришлому населению на рынке труда.

В-третьих, отток русского населения из Казахстана и Средней Азии стимулировался постоянно нараставшим бытовым национализмом, благодатной почвой для развития которого была, как теперь принято считать, неверная национальная политика. В экономической сфере она проявлялась в односторонней специализации экономики, неудовлетворенности распределением общесоюзного бюджета, недостаточной подготовкой кадров из коренного населения и т.д. В сфере культуры речь идет прежде всего о языковой политике. И хотя изучение русского языка навязывалось не из Москвы, а было проявлением усердия местных властей, виноватыми считались Москва и, как следствие, русские.

Один выразительный пример бытового национализма дало обследование, проведенное нами в 1990 г. в Казахстане: среди мигрантов, переселившихся в города и проживающих в общежитиях менее года было 11,6% казахов и 6,5% русских. В то же время только 13% казахов проживало в общежитиях более 10 лет, тогда как среди русских таких было почти 34%. И хотя среди русских было семейных и с детьми в 2,4 раза больше, чем среди казахов, шансов получить жилье они имели меньше, чем последние.

Не изменилась ситуация с Советским Союзом, тенденции миграционных процессов 70—80-х годов сохранились бы. Скорее всего через 20—25 лет в России проживало бы не 0,9 млн. представителей титульных национальностей Центральной Азии, а 2—2,5 млн. В свою очередь в этих республиках также продолжалось бы медленное выдавливание русского и русскоязычного населения. Это естественно, так как многие русские не могли, да и не хотели адаптироваться к местной культуре, традициям и обычаям. Но этот отток русского населения в места основного расселения был бы спокойным, без каких-либо конфликтов. История распорядилась иначе.

90-е годы — это годы ломки миграционных тенденций, возникновения новых миграционных проблем, не известных бывшему Союзу. Это миграции, преимущественно детерминированные политическими факторами. Применительно к данному региону отметим, что существенно увеличилось прибытие русских из республик Центральной Азии при резком сокращении их выбытия туда. Так, по данным учета миграции городского населения в 1993 г. численность русских, прибывших в Россию из Центральной Азии, в 1,5 раза превысила уровень 1990 г., а численность выбывших в Центральную Азию составила 60% от уровня 1990 г. На каждую 1 000 прибывших в Россию обратно выбывало не более 200, тогда как в 1990 г. таких было более 500. Иначе выглядят тенденции миграции из России представителей титульных национальностей Центральной Азии: если в 1990 г. на каждую 1 000 прибывших в Россию из этих республик обратно выбывало 1 335 человек, то в 1993 г. цифра возросла до 1 649.

В 1989 г. в СССР за пределами России проживало 25,3 млн. русских, а в сумме с другими национальностями России — свыше 28 млн. человек. Основная их часть проживает на Украине (11,4 млн.); второе место занимает Казахстан (6,2 млн.); далее следуют Узбекистан (1,7 млн.) и Белоруссия (1,3 млн.). Во всей Центральной Азии накануне распада СССР насчитывалось 9,5 млн. русских. Очевидно, что воспринимать всю эту совокупность как потенциальных мигрантов нельзя.

Дело в том, что значительная их часть относится к местным уроженцам, причем не в первом поколении. Так, из общего числа русских в Казахстане доля тех, кто там родился, составляет 66,6%, Узбекистане — 55%, Киргизии — 59,1%, Таджикистане — 48,5%, Туркмении — 52%. Некоторую долю составляют те, кто родился в той или

иной республике Центральной Азии: например, в Казахстане таких около 2%. В третью категорию населения с невысокой миграционной подвижностью входят те, кто прожил в этих республиках более 20 лет. В Казахстане таких 37%, в остальных республиках в среднем 41%.

Из числа проживавших в Центральной Азии в 1989 г. русских абсолютное большинство (около 8 млн.) составляли либо местные уроженцы, либо старожилы, прожившие в регионе более 20 лет. Остальные 1,5 млн. — обычные новоселы, которые в нормальных условиях могли бы либо прижиться на новом месте, либо уехать. В настоящее время многие обстоятельства сдерживают переселение русских из Центральной Азии в Россию: многолетнее проживание в инонациональной среде и частич-

Таблица 2

Оценка численности русских в Центральной Азии на начало 1994 г. (тыс. человек)

Республики	Численность русских по данным переписи 1989	Сальдо миграции русских за 1989—1993 гг.	Численность русских на начало 1994 г.	1994г. % к 1989 г.
Казахстан	6 228	-275	5 953	95,6
Узбекистан	1 653	-202	1 451	87,8
Киргизия	917	-134	774	84,4
Таджикистан	388	-140	248	64,0
Туркмения	334	-30	304	91,2
ВСЕГО	9 520	-790	8 730	91,7

ная или полная адаптация к ее культуре и традициям; родственные связи части русских с коренным населением; наличие жилья, дач, устраивающей работы и отсутствие реальных шансов на быстрое получение всего этого в России.

Для того чтобы вовлечь в миграционный поток сотни тысяч и миллионы человек, нужны сильные стимуляторы, в качестве которых могут рассматриваться: вооруженные конфликты, ущемление прав некоренного населения в законе о гражданстве, в избирательном праве, в законах о государственном языке и собственности, и т.п. (Впрочем, как показывает пример Прибалтики, при отсутствии открытых вооруженных конфликтов всего остального Недостаточно.)

Еще в 1991 г. Госкомстатом выявлено, что основными причинами миграции из стран нового зарубежья в Россию являются межэтнические конфликты и ухудшение отношения к некоренному населению. Среди мигрантов из Таджикистана эти причины составляют 64%, Киргизии — 47%, Узбекистана — 51%, Туркмении — 23%, Казахстана — 17%. Можно полагать, что с тех пор значение этих причин не только не снизилось, но даже возросло, так как отток русского и русскоязычного населения из Центральной Азии возрос, особенно из Узбекистана и Таджикистана. В результате миграционного оттока в 1989—1993 гг. численность русских в Центральной Азии сократилась более, чем на 8%.

К расчету, представленному в табл. 2, можно сделать две поправки. Во-первых, кроме регистрируемых мигрантов в России находятся также беженцы и вынужденные переселенцы из стран Центральной Азии, в том числе русские. На начало 1994 г. было учтено 185 тыс. беженцев из этих республик, среди которых представители титульных национальностей составляли 4—6%. Остальные, как правило, русскоязычное население. Видимо, к началу 1995 г. беженцев и вынужденных переселенцев русского происхождения в России было около 200 тыс. Во-вторых, если в 1994 г. интенсивность оттока русских из Центральной Азии сохранится на уровне 1993 г., то их численность там уменьшится соответственно еще на 160—180 тыс. человек. С учетом этих поправок можно оценить численность русских, проживающих в настоящее время в республиках Центральной Азии не более чем в 8,3—8,4 млн.

Такова величина миграционного потенциала этого региона, за счет которого будут пополняться потоки ремигрантов в Россию, если политика в отношении русских и русскоязычных, судьба которых сложилась не по их вине и часто вопреки их воле,

не изменится как в республиках Центральной Азии, так и в самой России. В настоящее время имеется по крайней мере три направления решения проблемы миграции русского и в целом русскоязычного населения из этого региона в Россию.

Во-первых, часть русскоязычного населения — преимущественно местные уроженцы — имеет достаточно глубокие корни в местах постоянного проживания, родственные связи с коренным населением, адаптировалась к местным условиям, культуре, традициям, обычаям. Им требуется время для полной натурализации, главным образом для полноценного овладения языком титульного народа. Это может занять не один десяток лет. Нельзя не учитывать, что и многие представители титульных национальностей, особенно молодежь, плохо владеют русским языком. Поэтому, чтобы исключить межэтнические конфликты, государства Центральной Азии должны создать условия, исключающие какую-либо дискриминацию в отношении той части пришлого населения, которая, приняв соответствующее гражданство, готова к полной натурализации.

Во-вторых, часть и притом достаточно большую составляют те, кто готов немедленно выехать в Россию при наличии необходимых условий, а в случае Таджикистана — просто бежать на историческую родину. Для решения миграционных проблем этой категории населения, которой должно быть предоставлено российское гражданство, необходимо заключение двусторонних договоров, в которых предусматривались бы следующие моменты: экономическая компенсация потерь жилья и т.п., организационная и материальная помощь для возвращения в Россию. Подчеркнем, что в самой России пока соответствующей государственными интересами политики в этой сфере нет.

В-третьих, у значительной части русскоязычного населения определенных миграционных установок вообще нет. Они выжидают изменение ситуации в странах Центральной Азии: если будет улучшаться, они пополнят первую группу; в противном случае (при развитии таджикского сценария в других странах) они, даже при отсутствии минимальных условий в России, будут стремиться покинуть регион. Это неизбежно в течение многих лет будет осложнять ситуацию в указанных странах, наносить ущерб их экономическим интересам, поскольку миграционный контингент будет формироваться в основном из специалистов и высококвалифицированных рабочих.

Для этой группы целесообразно на двусторонней договорной основе установить переходный период на 5—10 лет, предоставив право получения двойного гражданства и в дальнейшем — российского или местного гражданства без дополнительных условий и ограничений. При благоприятном развитии ситуации в Центральной Азии значительная часть этих людей также пополнит первую группу.

Соотношения между тремя частями русскоязычного населения характеризуют данные обследований. По данным Центра демографии ИСПИ РАН, в Таджикистане (1991 г.) 40% собирались уехать, 20% хотели бы остаться, 40% не имели четких миграционных установок. В Киргизии эти цифры соответственно: 20, 50 и 30%. Проведенное в том же году обследование ВЦИОМ выявило следующее соотношение между теми, кто собирался уехать, остаться и не решившими для себя эту проблему: по Узбекистану 25, 35 и 40%; по Киргизии — 24, 33 и 43%; по Таджикистану — 36, 23 и 41%; по Туркмении — 28, 32 и 40% [6, с. 36]. Нельзя не заметить близости полученных и в том, и в другом случае оценок. Наконец, в 1992 г. лабораторией миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН был проведен аналогичный опрос, показавший рост первой и уменьшение второй группы: по Узбекистану соответствующие цифры составили 43 и 18%, по Киргизии — 36 и 25%, по Таджикистану — 66 и 6% [6, с. 136]. Заметим, что дело здесь не в точности цифры, а в их размерности и тенденциях, говорящих о многом.

Понятно, что прожективное и реальное поведение не одно и то же. Так, в нормальных условиях установки на миграцию реализуются не более, чем на половину. В современных условиях в Центральной Азии такое соотношение между прожектив-

ным и реальным миграционным поведением отсутствует, и адекватную оценку ситуации могут дать только специальные обследования. Ясно, тем не менее, что доля желающих уехать заметно возросла.

Демократическое развитие стран Центральной Азии, устранение каких-либо дискриминационных явлений, в том числе и в бытовой сфере, сведет постепенно на нет действие политических факторов в детерминации миграции русского и русскоязычного населения. Но к этому времени им на смену придут факторы демографические, связанные с различиями демографической динамики в России, с одной стороны, и в странах Центральной Азии, с другой. Так, прогноз ООН предсказывает сокращение населения к 2015 г. до 142 млн. человек или на 5,5 млн. в сравнении с современной его численностью, а к 2050 г. — до 129,8 млн. человек, то есть еще на 12 млн.

Таблица 3

Оценка численности населения Центральной Азии (прогноз ООН, 1994 г., млн. человек)

Республики	1994 г.	2015 г.	2050 г.
Казахстан	17,0	20,2	24,3
Киргизия	4,7	6,3	8,6
Таджикистан	5,9	9,9	15,5
Туркмения	4,0	5,9	8,2
Узбекистан	22,3	33,2	46,8

В Центральной Азии, напротив, население будет расти высокими темпами (табл. 3). Только в республиках Средней Азии к 2050 г. оно удвоится. Если в 1994 г. численность населения Центральной Азии была почти вдвое меньше, чем России, то к середине XXI века она составит уже 80% российского населения и будет почти в 2 раза больше, чем население Украины.

Различия демографической динамики, имеющиеся между Россией и государствами Центральной Азии, следствие принципиально разных режимов рождаемости. Показатели же смертности и продолжительности жизни весьма близки, поскольку в обоих случаях находятся на уровне слаборазвитых стран.

Очевидно, что двойное увеличение демографического потенциала региона в ближайшие 50—55 лет при недостаточном экономическом его развитии может обострить проблему занятости (точнее безработицы) до таких размеров, что источником потенциальных мигрантов за пределы Центральной Азии станут не только русскоязычные ее жители, но и представители титульных национальностей. При этом относительному замедлению темпов экономического развития региона будет способствовать и происходящий отток русскоязычного населения.

Из анализа сказанного напрашивается по сути один вывод. Если государства Центральной Азии и Россия совместными усилиями цивилизованно не будут решать проблемы миграционного обмена, о том числе и оттока русских, и трудовой миграции титульных национальностей стран этого региона, то напряженность и потенциальная возможность конфликтов различной тяжести будет сохраняться, а возможно, и нарастать. Нельзя исключить, что отношение к массовым трудовым миграциям представителей титульных национальностей стран Центральной Азии в Россию в будущем во многом может определяться сегодняшним отношением к русскоязычному населению в этих странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Е. С. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.—Л., 1930.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Статистический сборник. М., 1987.
3. Население Союзных республик. М., 1977.
4. РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967.
5. Особенности миграционного поведения в южных районах Советского Союза. М., 1988.
6. Население России. М., 1994.